

Copyright © 2025 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2025. 20(1): 218-227
 DOI: 10.13187/bg.2025.1.218

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Reception of the Resettlement Business in the Turkestan Region in the Assessments of Imperial Experts of the second half of the XIXth – early XXth centuries

Serikbay D. Mamraimov ^{a, b}, Aigul M. Zharken ^b, Sabira N. Apasheva ^c, Bakyt S. Tokmurzayev ^{d, *}

^a Zhanibekov university, Shymkent, Republic of Kazakhstan

^b L.N. Gumilyov Eurasian National University, Astana, Republic of Kazakhstan

^c Zhumabek Akhmetuly Tashenev University, Shymkent, Republic of Kazakhstan

^d Kazakh National Pedagogical University named after Abai, Astana, Republic of Kazakhstan

Abstract

In the article, on the materials of resettlement officials' records and scientific-publicistic works of the second half of the 19th – early 20th centuries, the perceptions of imperial experts about the organization of resettlement in Turkestan Krai in the dynamics of agrarian and colonization activities in the region are revealed. In the course of the study it is established that expert assessments of the range of problems accompanying peasant resettlements to Turkestan were of critical and prescriptive nature, and the opinions expressed by imperial experts on the circumstances of formation and content of resettlement policy, as well as resettlement practices in different chronological periods of colonization of the Turkestan region, were demanded by the authorities and, with some adjustments, were implemented. The main problem spheres of the resettlement business, the reception of which is made in the texts of imperial experts, have been revealed. Firstly, according to the experts' opinion, the resettlement business initially had an element of managerial disorganization, which was expressed in the prerogative given to the higher provincial administration to make independent decisions in the process of settling and settling settlers. Secondly, according to the conclusions of experts, the governor-general corps of the region was mobilized mainly from the administrators who had experience of administration in the western periphery of the Russian Empire. In the conditions of the eastern periphery, regional administrators sought to protect and promote the interests of the “Russian cause” often without taking into account local ethno-confessional specifics, which a priori created situations of conflict and confrontation. Thirdly, imperial experts believed that the geographical remoteness of Turkestan from the center of the empire, the specificity of natural and climatic conditions, significantly limited the potential of agrarian colonization, which was reflected in the low quality of resettlement material, mostly selected during the development of Western Siberia and the Steppe region. According to experts, resettlement in the Turkestan region acquired a dynamic format only in the early twentieth century, which was due to the escalation of the agrarian and agricultural crisis in the European part of Russia and the subsequent reforms in the agrarian sphere. Imperial experts saw the way out of the crisis situation, which united Turkestan and Russia in a common colonization field, not in measures aimed at restricting or completely banning resettlement in the Turkestan region, but in the gradual sectoral reorientation from grain farming to cotton growing, which significantly expanded the scope of the colonization fund and contributed to the rational organization of the resettlement business.

Keywords: Turkestan Krai, Russian Empire, colonization, resettlement, imperial experts, integration of indigenous peoples, Asian Russia, imperial colonization, discourse, reception.

* Corresponding author

E-mail addresses: s_dauletuly@mail.ru (S.D. Mamraimov), b.tokmurza@gmail.com (B.S. Tokmurzayev)

1. Введение

Русская колонизация Туркестана, своеобразным прологом к которой стало взятие Ташкента русской армией под начальством генерал-майора М.Г. Черняева в 1865 г. и образование в 1867 г. Туркестанского генерал-губернаторства, неизбежно предполагала выстраивание такой политики населения, которая, по утверждению М. Ходарковского, должна была позволить реализовать основополагающий имперский принцип – принести туземным народам цивилизацию и христианство (Ходарковский, 2019: 269). В этой системе координат особое место занимали проекты и практики переселений в Туркестанский край крестьянства европейских губерний России с последующей организацией в регионе русских поселков как инструмента трансляции российского культурного влияния в инородческой среде. В представлениях имперских властей «освоение» Туркестана, приобретенного военным путем, а также административное оцентровывание края и культурная инкорпорация коренного населения должны были осуществляться мирными средствами. В данном отношении русское влияние первоначально предполагалось реализовывать в рамках политики веротерпимости и постепенного распространения аграрно-земледельческих практик в тех территориальных анклавах, где было достаточное количество подходящих для аграрного производства земель. Именно в районах Самаркандской, Ферганской, Сыр-Дарьинской областей возникли первые очаги русского крестьянского земледелия, и именно в этих районах наблюдалась максимальная концентрация кочевого населения, которое рассматривалось и как объект российского культуртрегерства.

Оценивая долгосрочный исследовательский опыт рефлексии аграрной колонизации Туркестанского края, мы видим несоответствие амбициозных планов Российской империи реальной постановке переселенческого дела в отдаленном и мозаичном в этническом и конфессиональном отношении регионе, что требует уточнения и обоснования факторов и обстоятельств, лимитировавших эффективность переселенческого движения в Туркестан. В этой связи обращение к дискурсу имперских экспертов (переселенческие чиновники, публицисты, деятели науки) как непосредственных участников переселенческого дела открывает перспективы более широкого взгляда на организацию переселенческого дела в Туркестанском крае во второй половине XIX – начале XX вв.

2. Материалы и методы

Достижение поставленной цели, связанной с рецепцией имперскими экспертами переселенческого дела в Туркестане, предполагает обращение к исследовательским подходам «новой культурно-интеллектуальной истории», так как понимание имперскими экспертами состояния переселенческого дела воспроизводится через совокупность текстов, образующих единое концептуальное пространство – дискурс (Миньяр-Белоручева, 2015: 10), в котором были отражены интеллектуальные, идейные и культурные представления российской власти и общества в период пика колониальной активности Российской империи.

Не менее важным представляется и встраивание в канву статьи исследовательских приемов «новой имперской истории» (Герасимов и др., 2004; Беккер, 2004), что открыло перспективы «дрейфа» от описания событий к осмыслению структурной композиции взаимодействия акторов переселенческого дела: центральной и региональной власти, переселенческих чиновников, местных элит. В данной статье предпринимается попытка охарактеризовать пространство интеллектуальной коммуникации имперских экспертов, оценить их включенность в сложную канву отношений с профессиональными сообществами Туркестанского края.

Достижение поставленной цели может быть достигнуто с опорой на широкий круг источников делопроизводственного характера, к числу которых принадлежат разновременные отчеты, докладные записки имперских экспертов – чиновников, побывавших в Туркестане на рубеже XIX – XX вв. в служебных командировках с целью ознакомления с постановкой переселенческого дела; отчеты и доклады военных губернаторов, адресованные высшему краевому начальству, извлеченные из архивных фондов Центрального государственного архива Республики Узбекистан; свидетельства непосредственных участников колонизации региона, облеченные в форму научно-публицистических текстов и воспоминаний о службе в Туркестане и о контактах с представителями генерал-губернаторского корпуса (А.П. фон Кауфман, М.Г. Черняев и др.).

Привлеченные источники определили и спектр исследовательских методов как аналитических процедур (контент-анализ, дискурс-анализ), дающих возможность выявить представления имперских экспертов о состоянии переселенческого дела в ретроспективе. Также данные источники позволили выявить трудности, с которыми сталкивались региональные власти в процессе решения текущих задач хозяйственно-экономической и социокультурной инкорпорации Туркестанского края во второй половине XIX – начале XX вв.

3. Обсуждение

Вопросы организации переселенческого дела и реакции сообщества экспертов на деятельность имперской бюрократии в регулировании миграционных процессов в Туркестанский край являются частью отечественной и зарубежной историографической традиции. Исследовательская рефлексия

переселений как инструмента «русского дела» в Туркестане с детальной характеристикой обстоятельств водворения и обустройства переселенцев, форм и методов переселенческой политики достаточно полно и широко представлена в исторической науке (Фомченко, 1983; Гинзбург, 1991; Брежнева, 2018; Кирильчик, 2021; Цыряпкина, 2022).

Для настоящей работы продуктивным представляется обращение к исследовательскому опыту ученых, фокусирующих внимание на дискурсивных аспектах переселенческого дела в связи с генезисом и функционированием переселенческой бюрократии (Чуркин, 2021). Также ученые описывают колонизационный процесс в Туркестанском крае в контексте диалога текстов имперских экспертов (Абашин, 2016), что является основанием для переноса акцента в изучении переселенческого движения в регион с характеристики событийной составляющей к анализу представлений непосредственных участников переселенческого дела.

4. Результаты

Переселенческое движение в Туркестанский край и сопровождавший этот процесс опыт аграрно-земледельческого освоения новых территорий во многом являлся частью глобального колонизационного проекта Российской империи, разрабатываемого и реализуемого в границах азиатской периферии в пореформенный период. Вместе с тем в отечественной историографии переселений отмечается ряд специфических обстоятельств, позволяющих говорить о значительном своеобразии Туркестанского края как принимающего региона, а также о специфике организации там переселенческого дела, которому не вполне соответствовали выработанные в районах традиционного зауральского земледелия лекала. Суммарно можно выделить следующие факторы, характеризующие фон переселенческого процесса в Туркестанский край во второй половине XIX столетия.

Во-первых, переселенческое движение на восточные окраины империи в пореформенный период (1860–1870 гг.) носило стихийный и по преимуществу самовольный характер, что было связано с отсутствием или недоработанностью переселенческого законодательства и объективными препятствиями (выкупные платежи и затрудненность выхода из общины).

Во-вторых, основными районами водворения и обустройства переселенцев (легитимных и самовольных) являлись районы Западной Сибири и Степного края. Они были подготовлены к принятию мигрантов, а основным способом расселения выступали приписка к старожильческим селениям или образовании отдельных переселенческих поселков. Самовольное переселенческое движение, представители которого ориентировались на сведения уже мигрировавших родственников и односельчан, шло в том же направлении.

В-третьих, в отличие от регионов Центральной Азии, губернии Западной Сибири находились в поле российской юрисдикции с конца XVI – начала XVII вв. К середине XIX в. в районах традиционного аграрного производства (Тобольская, Томская губернии), географически и административно приближенных к Европейской России, сложился консолидированный слой русского населения, численно преобладавшего над инородческим, что освобождало имперские власти от острой необходимости учета и селекции этнического и конфессионального состава переселенческого движения.

В-четвертых, участники аграрных переселений в губернии и области Западной Сибири и Степного края изначально были ориентированы на организацию в регионе зернового хозяйства, в то время как подобный тип производства в Туркестанском крае был ограничен ареалами Сыр-Дарьинской, Самаркандской и Ферганской областей.

Следует также отметить, что при организации переселенческого дела в Туркестане имперские власти регулярно сталкивались с необходимостью урегулирования противоречивых ситуаций, требующих принятия вариативных и пластичных решений. В отличие от губерний и областей Западной Сибири и Степного края, Туркестан для России являлся объектом «большой геополитической игры», с большим количеством конкурировавших акторов, а основными противостоящими политическими игроками выступали Россия и Великобритания. Не менее существенным обстоятельством, определявшим логику колонизационных действий Российской империи в Центральной Азии, являлось представление об окраинных территориях как о «своих» землях, требовавших не только административной, но и культурной инкорпорации, что ставило власти перед необходимостью конструирования гибкой политики населения с учетом реальных этнических и конфессиональных данностей: многочисленного киргизского населения, в массе ведущего кочевой образ жизни, и обширного корпуса оседлых тюркоязычных народов, исповедующих ислам.

Симптоматично, что имперское дело организации переселений в Туркестанский край так или иначе подчинялось общей идейной доктрине «Туркестан для русских» (Абашин, 2016: 330), фундаментальные основания которой были обозначены еще в середине XIX в. в трудах раннего российского востоковедения. Чиновник особых поручений Министерства внутренних дел В.В. Григорьев, артикулируя в 1840 г. отношение России к Востоку, предрекал великое будущее стране, призвание которой заключается в том, чтобы «сохранить, устроить и просветить племена Азии» (Григорьев, 1840: 7). Мотив цивилизаторской миссии и морального превосходства колонизаторов над колонизируемыми отделились в формулу: «...воспитать или перевоспитать, возродить

или переродить большую часть народов этой стороны света..., возвысить их до себя, уподобить себе и слить в одно великое, святое семейство» (Григорьев, 1840: 7-8).

В дискурсе российских чиновников, публицистов, исследователей Центральной Азии риторика переселений в Туркестан русского крестьянства была окрашена в оптимистически-романтические тона, а культурное влияние мигрантов из Европейской России позиционировалось как не вызывающий сомнений факт. Первый Туркестанский генерал-губернатор А.П. фон Кауфман в 1870-х гг. с надеждой говорил: «Независимо от успехов русской колонизации, которая при лучшем устройстве казачьих и крестьянских отношений к кочевникам окажет со временем прямое воспитательное влияние на массу туземного населения, уже возникает в крае и русская народная школа, откуда могут выйти наиболее положительные орудия в борьбе с невежеством туземного населения, и для укрепления нравственных связей туземного общества с новым порядком и новым отечеством» (Иванов, 1890: 229). И. Гейер, путешествовавший по русским селениям Сыр-Дарьинской области в 1893 г., констатировал: «Не успели еще устроиться вновь основанные селения, как уже обычные впечатления путника, проезжающего чимкентским трактом, изменили свой однообразный туземный колорит, и глаз наблюдателя всюду чувствует недалекое присутствие русского элемента» (Гейер, 1893: 1). Спустя 20 лет В.П. Вошинин в путевых записках восклицал: «Там на высоких предгорьях, только теперь орошаемых, начинает селиться русский народ, ...а вместе с ним в толщу туземных предрассудков и верований начинает проникать культура русская. Так, по рассказам и слухам, незримо растет и крепнет Туркестан «новый»» (Вошинин, 1914: 11-12).

Общая направленность суждений имперских экспертов, представлявших организацию переселенческих поселков в Туркестанском крае как эффективную практику реализации задач «русского дела», была характерна для процесса аграрно-земледельческой колонизации региона в продолжительной хронологической перспективе. Вместе с тем нельзя не отметить, что оптимистически-романтическая «оптика» в оценке хода и результатов переселенческого дела в Туркестане, используемая высшей губернской администрацией и публицистикой, сосуществовала с серьезными исследованиями в переселенческой сфере, репрезентируемыми в отчетах чиновников переселенческого ведомства, а также в делопроизводственной переписке центральной и региональной бюрократии, предназначенной для служебного пользования.

В стартовый период колонизации Туркестанского края (конец 1860 – середина 1880-х гг.), начавшейся с военного взятия Ташкента русской армией под начальством генерал-майора М.Г. Черняева в 1865 г. и образования в 1867 г. Туркестанского генерал-губернаторства, переселенческое дело носило неорганизованный, хаотичный и во многом личный характер. По свидетельству А.И. Иванова, составителя исторического очерка, посвященного колонизации Туркестанского края, первое крестьянское прошение о водворении в Сыр-Дарьинской области относилось еще к 1868 г. Однако оно не могло быть удовлетворено, поскольку «вопрос об устройстве крестьян-переселенцев был нов и представлял трудности к своему разъяснению ввиду совершенного незнакомства администрации с хозяйственными условиями области» (Иванов, 1890: 231). Н. Гаврилов, чиновник по особым поручениям при Переселенческом управлении, в преамбуле к своему отчету отмечал, что в Туркестанском крае до 1886 г., несмотря на образование в период 1874–1886 гг. небольшой сети русских поселений (6 поселков), отсутствовал единообразный порядок водворения переселенцев, законодательных определений их обустройства, а также изданных правил и регламентаций (Переселенческое дело..., 1911: 1-2). К.К. Пален в материалах ревизии Туркестанского края, предваряя оценку переселенческого дела кратким историко-ретроспективным вступлением, констатировал, что занятие плодородных оазисов Сыр-Дарьинской и Закаспийской областей с целью создания там сети переселенческих поселков до конца 1880-х гг. было затруднено упорным сопротивлением бывших властителей – ханов Хивинских и Кокандских. По замечанию К.К. Палена, только ценой кровопролитной борьбы Россия приобрела несколько областей общей площадью 116 млн. кв. км, населенных кочевыми племенами (Переселенческое дело..., 1910: 168).

Подавляющее большинство имперских экспертов в освещении переселенческого дела в 1860-х – первой половине 1880-х гг. указывало на отсутствие государственных проектов и программ, регламентировавших распространение и закрепление в Туркестане русской земледельческой оседлости. Персоналистская модель формулировки и принятия решения в полной мере вписывалась в алгоритм начальных этапов колонизационной политики Российской империи в границах периферийных территорий, когда вся полнота власти, равно и ответственности, делегировалась генерал-губернаторам. Биограф первого Туркестанского генерал-губернатора Н.П. Остроумов, комментируя сюжет с назначением А.П. фон Кауфмана на должность главного администратора Туркестана, отмечал предоставление генерал-губернатору широких полномочий по устройению края с правом вести войны и заключать мирные договоры (Кауфманский сборник, 1910: IX). По заключению Н.П. Остроумова, полнота власти высшей администрации в лице Кауфмана отливалась в решение «самостоятельно поставленной цели – усиление русского элемента в крае (Переселенческое дело..., 1911: 157-158).

В оценке деятельности генерал-губернаторского корпуса Туркестанского края в сфере организации переселенческого дела в стартовый период колонизации региона имперскими экспертами содержался ряд принципиальных критических замечаний. Исследователи

продемонстрировали согласие в вопросе о крайне незначительных количественных результатах переселений в Туркестан как инструмента имперской политики «русского дела». По расчетам, произведенным А.И. Ивановым, к 1879 г. в местах, пригодных для пашенного хозяйства, насчитывалось только 3 крестьянских поселка с числом колонистов в 2 тыс. душ. Несмотря на численный прирост населения в последующее 10-летие до 25 тыс. душ (Иванов, 1890: 234), согласно размышлениям автора, аграрная колонизация края не дала положительного эффекта, поскольку русское население, проживая в условиях близкого контакта с автохтонами, не столько ассимилировало местное население, сколько усваивало его привычки, образ жизни и стереотипы хозяйственной деятельности. В соответствии с выводами А. Иванова, К. Палена, Н. Гаврилова, А. Кауфмана, предметно исследовавших начальный период аграрной колонизации Туркестана, увеличение численности русских крестьянских поселков не сопровождалось улучшением качественного состава переселенческого элемента. Непосредственные очевидцы переселенческого дела в Туркестанском крае констатировали: «Состав самовольных переселенцев в Кугарт – всевозможный сброд из разных областей и губерний: из Семиреченской области, из Войска Донского, Акмолинской, Томской, из Киевской губерний. Вместе с переселенцами-хлебопашцами понабрело много разных неудачников, как то: выгнанные из полицейской службы, бывшие лесные объездчики, запасные нижние чины, совершенно отвыкшие от земледельческого труда» (ЦГА РУз. Ф. И-1. Оп. 17. Д. 811. Л. 56); «...поселенцы, живя по несколько лет, весьма мало переняли от туземцев их умения пользоваться благами природы...Все они смотрят какими-то сиротами (Иванов, 1890: 237).

Кроме того, в отчетах переселенческих чиновников, в докладных записках, аналитических работах о русском заселении Туркестана ход и результаты переселенческого дела рефлексировались с учетом общего фона колонизационной политики Российской империи, основным транслятором которой в регионе выступала генерал-губернаторская власть. В большинстве текстов эксперты писали о том, что вслед за военным завоеванием Туркестанского края высшая региональная администрация взяла твердый курс на умиротворение коренного населения и демонстрацию веротерпимости по отношению к оседлым группам местных мусульман, что являлось общим трендом конфессиональной политики Российской империи. Вместе с тем в реальности политика веротерпимости в Туркестанском крае, по мнению современников, часто оборачивалась индифферентным отношением власти к мусульманству и поддерживалась запретами миссионерских практик как для сторонников ислама, так и для православного священства (Круз, 2020: 260). В системе координат политики игнорирования ислама, практики которой опирались на убеждение туркестанских администраторов, что под влиянием русской культуры мусульманство, «неспособное к пробуждению и дальнейшему прогрессу» (Кауфманский сборник, 1910: 140), окончательно потеряет свою силу, определялись основы переселенческого дела в регионе. С точки зрения краевой администрации, русские поселки необходимо было организовывать в непосредственной близости к киргизским кочевьям, что позволяло решать несколько стратегических задач: включение инородцев-язычников в сферу влияния православной цивилизации и предотвращение пагубного воздействия на автохтонов казанских татар и их духовных лидеров – ишанов. В ситуации преобладания самовольных переселений в 1870-х – первой половине 1880-х гг. и незначительного числа переселенцев подобный способ образования поселков обеспечивался договорными отношениями с кочевниками, которые получали денежную компенсацию за передачу земли в пользу крестьян-хлебопашцев. По заключению Н. Гаврилова, установившийся порядок носил прецедентный, а не законный характер, поскольку занятые кочевьями земли объявлялись государственными. В связи с эскалацией переселенческих потоков и возникновением естественных затруднений при водворении переселенцев в Туркестане имперские власти все активней требовали от номадов отказываться от части земли в пользу крестьянства (Переселенческое дело..., 1911: 6-7), что становилось поводом для конфликтности в будущем.

Очередной этап организации переселенческого дела, рефлекслируемый имперскими экспертами, охватывал продолжительный временной отрезок, маркировка которого выстраивается в связи с государственным опытом нормативно-правового регулирования переселений в Туркестан, – от разработки и внедрения Положения об управлении Туркестанского края 12 июля 1886 г., определившего порядок поземельного устройства отставных и запасных нижних чинов, и до 1906–1912 гг., когда переселенческая политика стала частью аграрно-колонизационного курса Российской империи, а Туркестан начал рассматриваться властью как регион интенсивного развития хлопководческой отрасли.

Туркестанское Положение, принятое в 1886 г., но не растиражированное для всеобщего пользования, в представлениях современников и участников переселенческого дела имело ряд существенных изъянов.

Русификаторский курс политики стирания культурных различий, проводимый по умолчанию высшей региональной администрацией с 1870-х гг., обрел легитимные контуры в формуле о допуске к переселению в Туркестан исключительно русских подданных христианского вероисповедания. Имперские эксперты в этой связи отмечали, что реализация плана насыщения Туркестанского края русскими поселками предполагала принятие простых решений, а именно опоры на местные ресурсы, что означало возможность для военных чинов, уволенных в запас или в отставку, вместо возвращения

на родину на льготных условиях в сельской местности Туркестана ([Переселенческое дело..., 1910: 174](#)). Однако, по мнению специалистов, такой метод русского заселения края в скором времени показал свою низкую продуктивность. А.И. Иванов, оценивая ход переселенческого дела, констатировал: «Подгородные колонисты из солдат, обыкновенно землей сами не занимаются, а нанимают работников, или отдают в аренду, а сами покурявают папиросы, сидя у крыльца своих домов, распивают чай, пиво, водку, а жены и дочери их торгуют в городе молоком и маслом, и сами собою...» ([Иванов, 1890: 238](#)). По заключению А.А. Кауфмана, причина неудовлетворительного состояния многих русских крестьянских поселков коренится не в природно-климатических условиях Туркестана, а в качестве переселенческого материала: «Главная масса населения поселков в Голодной степи – бывшие рабочие при постройке канала императора Николая I, а эти рабочие комплектовались из самых нехозяйственных и склонных к бродяжничеству элементов пришлого русского населения» ([К вопросу..., 1903: 7](#)). Эксперты (А.И. Иванов и А.А. Кауфман), оценивая контингент переселенцев, сходились во мнении, что наибольших успехов достигали только те мигранты, которые были представлены в переселенческом потоке профессиональными российскими землепашцами, а идеальным типом крестьянина-переселенца в Туркестанском крае можно было признать религиозных диссидентов – меннонитов и раскольников как людей «предприимчивых, зажиточных, знающих страну», «одушевленных религией, развитых, трудолюбивых, трезвых», «которые куда ни придут, везде найдут себе Америку» ([Иванов, 1890: 239](#)). Общий вывод экспертов сводился к мнению, что в массе своей «русские переселенцы не снискали себе уважения среди туземцев и беспорядочным укладом жизни нередко отвращают коренное население от принятия русских обычаев и русской культуры, чем раздражают туземцев и закладывают семена национальной розни и религиозной вражды» ([Переселенческое дело..., 1910: 418](#)).

Согласно выводам переселенческих чиновников, дело организации крестьянских поселков в земледельческих областях Туркестана было по-прежнему прерогативой региональной бюрократии и выполнялось имевшимися в ее распоряжении силами и средствами. По свидетельству Н. Гаврилова, центральное правительство, не сочувствуя переселениям крестьян из Европейской России, не принимало мер содействия к устройству новоселов, в том числе и в плане создания особых учреждений для заведывания делом образования русских поселков ([Переселенческое дело..., 1911: 3](#)). Аналогичное мнение встречаем у К.К. Палена, указывавшего, что водворение крестьян после принятия Положения 1886 г. велось только по инициативе и в пределах понимания местных администраций ([Переселенческое дело..., 1910: 176](#)). Практически все специалисты согласованно отмечали отсутствие порядка в проведении землеотводных работ, что во многом являлось следствием управленческой дезорганизации. В результате ревизии переселенческих поселков Туркестанского края комиссия К.К. Палена зафиксировала организационный хаос в наделении крестьян земельными участками на примере поселка Никольский Сыр-Дарьинской области, в котором земли сначала раздавались комиссией по устройству переселенцев, затем – командированным землемером и, наконец, старостой, не имевшим полного списка переселенцев ([Переселенческое дело..., 1910: 176-177](#)). В этой связи К.К. Пален, критически оценивая модель организации и функционирования переселенческого дела, писал: «...всякий рубль, затраченный из средств казны на поддержание современных форм переселения, идет не на пользу государственную, а на подготовку в близком будущем аграрного кризиса на этой окраине и притом в самой острой его форме, так как он не замедлит осложнить здесь межнациональную рознь между неустроенным в земельном отношении коренным инородческим населением и неосмотрительно заброшенным в край русским сельским обывателем» ([Переселенческое дело..., 1910: 62](#)).

Паллиативность решений и личностный фактор в организации переселенческого дела во второй половине 1880-х гг. в значительной мере уравновешивались низкими темпами переселенческого движения, что предоставляло имперской бюрократии возможность контроля над процессом водворения и обустройства аграрных мигрантов. Число образованных русских крестьянских поселков в наиболее востребованных (с точки зрения организации земледельческого производства) районах Сыр-Дарьинской области, по заключению ревизии К.К. Палена, являлось ничтожным. В период с 1886 по 1890 гг. здесь было основано 13 населенных пунктов с водворенными в них 1 300 душами ([Переселенческое дело..., 1910: 177](#)). Однако неурожай и голод 1891–1892 гг., стимулировавшие переселенческую активность крестьянства Европейской России, привели к увеличению количества русских поселков в Сыр-Дарьинской области по экспоненте, что выразилось в создании еще 17-ти населенных пунктов, а число обитателей сельской местности выросло до 2,5–3 тыс. душ ([Переселенческое дело..., 1910: 178](#); [Переселенческое дело..., 1911: 4](#)).

В рецепции имперскими экспертами вопросов организации переселенческого дела в Туркестанском крае в 1890-х гг. можно выделить несколько ключевых сюжетов. Во-первых, это обоснование реакции имперской власти на возросшую переселенческую активность крестьянства Европейской России в аспекте упорядочивания и систематизации водворения и обустройства мигрантов. В данном отношении эксперты переселенческого дела отмечали факт панического восприятия региональной бюрократией роста переселений в Туркестан и непоследовательность практик регулирования вопросов, связанных с переселениями в условиях флуктуаций

переселенческого движения. Н. Гаврилов и К. Пален единообразно описывают стремление краевых администраций действовать по прецеденту, ограничивая или пытаясь запретить водворение крестьян в Туркестанском крае. По констатации Н. Гаврилова, туркестанская администрация, напуганная наплывом переселенцев в 1891–1892 гг., несмотря на спад переселенческого движения в 1894–1895 гг., пыталась приостановить прилив в регион аграрных мигрантов, а указ генерал-губернатора барона А.Б. Вревского от 1897 г. запрещал водворение крестьян в Туркестане вплоть до утверждения общего плана колонизации (Гаврилов: 4). В отчетах Н. Гаврилова и К. Палена сообщается, что, несмотря на категоричность решения генерал-губернатора о запрете переселений вплоть до ограничения доступа в Туркестан через Астрахань и порты Каспийского моря, уже в 1898 г. преемник А.Б. Вревского на посту генерал-губернатора С.М. Духовский распорядился о подготовке участков для переселенцев и об образовании комиссии для выработки правил колонизации края (Переселенческое дело..., 1911: 4-5; Переселенческое дело..., 1910: 179-180). Во-вторых, в дискурсе экспертов отчетливо прослеживался мотив осознания центральной властью необходимости реформативного отношения к организации и регулированию переселенческого дела как в общегосударственном масштабе, так и непосредственно в Туркестанском крае. В качестве ключевых решений имперские эксперты согласованно отмечали создание специального учреждения, ответственного за составление программ и реализацию практик переселенческого дела (Переселенческого управления МВД в 1896 г.), а также за экспедиционную деятельность переселенческих чиновников, за выяснение хозяйственно-ресурсного потенциала Туркестана. Все это позволило в период столыпинских переселений (1906–1914 гг.) сместить экономические акценты от зернового производства к культивированию хлопководства как наиболее соответствовавшего местным природно-климатическим условиям.

Нельзя не отметить, что в рецепции состояния переселенческого дела в Туркестане его непосредственными организаторами и участниками был предельно точно зафиксирован качественный поворот в государственной политике, который сводился к решению главной задачи – совмещение переселенческого движения с общим проектом колонизации Туркестанского края как доходной статьи бюджета Российской империи. В дискурсе российской специализированной периодической печати одним из наиболее активно обсуждаемых стал вопрос о состоянии переселений в Туркестанский край в связи с развитием хлопководческого производства (Драницын, 1913: 133-180; Скрыплев, 1913: 203-225; Записка Главноуправляющего..., 1913: 297-365). Главноуправляющий земледелием и землеустройством А.В. Кривошеин в преамбуле к записке о поездке в Туркестанский край в 1912 г. рельефно обозначил новый вектор имперской колонизационной политики, выделив ее важнейшие составляющие: «Если на одной из граней... стоит надпись «хлопок», то на другой начертано «орошение», на третьей, пока еще затененной, но важнейшей – русское заселение» (Записка главноуправляющего..., 1913: 298).

5. Заключение

Таким образом, организация переселенческого дела в Туркестанском крае, в продолжительной перспективе являясь сферой компетенции имперской власти, корректировалась вследствие участия в колонизационном процессе широкого круга акторов. К их числу принадлежали имперские эксперты – представители переселенческой бюрократии, репрезентировавшие представления различных сообществ: чиновничества, ученых, публицистов, общественных деятелей. В текстах имперских экспертов детально обсуждался обширный круг вопросов, связанных со спецификой переселенческого движения, а выводы, содержащиеся в отчетах, научных статьях, докладах, отражали не только нюансы переселенческого движения в Туркестанский край, но и возможные сценарии реализации имперских колонизационных проектов в контексте аграрных миграций второй половины XIX – начала XX вв. В целом содержание экспертных оценок переселенческого дела в Туркестанском крае представляло собой жесткую и последовательную критику личностного подхода власти к решению переселенческих вопросов, что приводило к дезорганизации в деятельности по созданию русских поселков и лимитировало экономическую продуктивность крестьянских хозяйств в природных и общественных обстоятельствах принимающего края. В основном негативно имперские эксперты оценивали и политику «русского дела» в регионе, считая ее неизбежным фактором эскалации конфликтов между переселенцами и коренными обитателями Туркестана. Переселенческое дело в Туркестанском крае приобрело динамичный формат только в начале XX в., что было обусловлено эскалацией аграрно-земледельческого кризиса в европейской части России и последовавшими реформами в аграрной сфере. Вместе с тем, по мнению сообщества имперских экспертов, мощный толчок развитию переселений в Туркестанский край был дан в результате экономической переориентации региона от малопродуктивного зернового хозяйства к выращиванию хлопка, что привело к увеличению колонизационной емкости Туркестана и потенциальных возможностей приема мигрантов из Европейской России.

Литература

Абашин, 2016 – Абашин С.Н. Туркестан в имперской политике России: монография в документах. М. Кучково поле, 2016. 880 с.

Беккер, 2004 – Беккер С. Россия и концепт империи / Новая имперская история постсоветского пространства: Сб. статей / Под ред. И.В. Герасимова, А.П. Каплуновского, М.Б. Могильнер, А.М. Семёнова. Казань: «Центр Исследования Национализма и Империи», 2004. С. 76-77.

Брежнева, 2018 – Брежнева С.Н. Отражение идеи аккультурации в переселенческой политике Российской империи в Туркестане на рубеже XI–XX вв. // *Вестник РУДН. Сер.: История России*. 2018. Т. 17. № 3. С. 608-638.

Воцинин, 1914 – Воцинин В.П. Очерки нового Туркестана. СПб.: Тип. т-ва «Наш век», 1914. 86 с.

Гейер, 1893 – Гейер И. По русским селениям Сыр-Дарьинской области. Письма с дороги. Ташкент: Типо-литография бр. Каменских, 1893. 174 с.

Гинзбург, 1991 – Гинзбург А.И. Русское население в Туркестане (конец XIX – начале XX вв.) М.: Ин-т этнологии и антропологии АН СССР, 1991. 144 с.

Григорьев, 1840 – Григорьев В.В. Об отношении России к Востоку: Речь, произнесённая исправляющим должность профессором В. Григорьевым. Одесса, 1840. 18 с.

Драницын, 1913 – Драницын Д. Заметки о колонизации русской Туркмении // *Вопросы колонизации*. 1913. № 12. С. 133-180.

Записка главноуправляющего..., 1913 – Записка главноуправляющего землеустройством и земледелием о поездке в Туркестанский край в 1912 г. // *Вопросы колонизации*. 1913. № 12. С. 297-365.

Иванов, 1890 – Иванов А.И. Русская колонизация в Туркестанском крае. СПб.: Тип. Т-ва "Общественная польза", 1890. С. 226-244.

К вопросу..., 1911 – К вопросу о русской колонизации Туркестанского края: Отчёт члена учёного комитета Министерства земледелия и государственных имуществ А.А. Кауфмана по командировке летом 1903 г. СПб.: Тип. В. Киришбаума, 1903. 205 с.

Кауфманский сборник..., 1910 – Кауфманский сборник, изданный в память 25 лет, истекших со дня смерти покорителя и устроителя Туркестанского края генерал-адъютанта К.П. фон-Кауфмана. М.: Типо-литография И.Н. Кушнерёва, 1910. 247 с.

Кирильчик, 2021 – Кирильчик Д.В. Цивилизаторская политика России в Туркестане и место в ней русских крестьян-переселенцев (вторая половина XIX – начало XX в.) // *Новое прошлое*. 2021. № 2. С.84-95.

Круз, 2020 – Круз Р. За пророка и царя. Ислам и империя в России и Центральной Азии. М.: Новое литературное обозрение, 2020. 408 с.

Миньяр-Белоручева, 2015 – Миньяр-Белоручева А.П. Типология исторического дискурса // *Язык и текст langpsy.ru*. 2015. Т. 2. №2. [Электронный ресурс]. URL: <http://psyjournals.ru/langpsy/2015/n2/Minyar-Belouchcheva.shtml> (дата обращения: 18.10.2024).

Новая имперская..., 2004 – Новая имперская история постсоветского пространства: Сб. статей / Под ред. И.В. Герасимова, А. П. Каплуновского, М.Б. Могильнер, А.М. Семёнова. Казань: «Центр Исследования Национализма и Империи», 2004. 652 с.

Переселенческое дело..., 1910 – Переселенческое дело в Туркестане: Отчёт по ревизии Туркестанского края, произведённой графом К.К. Паленом. СПб.: Сенатская тип., 1910. 429 с.

Переселенческое дело..., 1911 – Переселенческое дело в Туркестанском крае (области Сыр-Дарьинская, Самаркандская, Ферганская): Отчёт по служебной поездке в Туркестан осенью 1910 г. чиновника особых поручений при Переселенческом управлении Н. Гаврилова. СПб.: Тип. Ф. Вайсберга и П. Гершуни, 1911. 336 с.

Скрыплев, 1913 – Скрыплев П. Хлопководство и русские переселенцы // *Вопросы колонизации*. 1913. № 12. С. 203-225.

Фомченко, 1983 – Фомченко А.П. Русские поселения в Туркестанском крае в конце XIX – начале XX в. (социально-экономический аспект). Ташкент: издательство «ФАН» Узбекской ССР, 1983. 128 с.

Ходарковский, 2019 – Ходарковский М. Степные рубежи России: как создавалась колониальная империя. 1500-1800. М.: Новое литературное обозрение, 2019. 352 с.

ЦГА РУз – Центральный государственный архив Республики Узбекистан.

Цыряпкина, 2022 – Цыряпкина Ю.Н. «Борьба за русское дело»: имперская колонизация Туркестана // *Quaestio Rossica*. 2022. Т. 10, № 5. С. 1625-1641.

Чуркин, 2021 – Чуркин М.К. «Найти своих и успокоиться»: коммуникативное пространство российских переселенческих чиновников как фактор профессиональной адаптации (конец XIX – начало XX вв.) // *Вестник НГУ: Серия «История»*. 2021. Т. 20. № 8. С. 61-73.

References

Abashin, 2016 – Abashin, S.N. (2016). Turkestan v imperskoj politike Rossii: monografiya v dokumentakh [Turkestan in the imperial policy of Russia: a monograph in documents]. M. Kuchkovo pole, 880 p. [in Russian]

Bekker, 2004 – Bekker, S. (2004). Rossiya i kontsept imperii [Russia and the concept of empire]. Novaya imperskaya istoriya postsovetского prostranstva: Sb. statei. Pod red. I.V. Gerasimova, A.P. Kaplunovskogo, M.B. Mogil'ner, A.M. Semenova. Kazan': «Tsentr Issledovaniya Natsionalizma i Imperii». Pp. 76-77. [in Russian]

Brezhneva, 2018 – *Brezhneva, S.N.* (2018). Otrazhenie idei akkul'turatsii v pereselencheskoi politike Rossiiskoi imperii v Turkestane na rubezhe XI–XX vv. [Reflection of the idea of acculturation in the resettlement policy of the Russian Empire in Turkestan at the turn of the XI-XX centuries]. *Vestnik RUDN. Ser.: Istoriya Rossii.* 17(3): 608-638. [in Russian]

Churkin, 2021 – *Churkin, M.K.* (2021). «Naiti svoikh i uspokoit'sya»: kommunikativnoe prostranstvo rossiiskikh pereselencheskikh chinovnikov kak faktor professional'noi adaptatsii (konets XIX – nachalo XX vv.) [“Find your own and settle down”: communicative space of Russian resettlement officials as a factor of professional adaptation (late XIX – early XX centuries.)]. *Vestnik NGU: Seriya «Istoriya».* 20(8): 61-73. [in Russian]

Dranitsyn, 1913 – *Dranitsyn, D.* (1913). Zametki o kolonizatsii russkoi Turkmenii [Notes on the colonization of Russian Turkmenia]. *Voprosy kolonizatsii.* 12: 133-180. [in Russian]

Fomchenko, 1983 – *Fomchenko, A.P.* (1983). Russkie poseleniya v Turkestanskom krae v kontse XIX – nachale XX v. (sotsial'no-ekonomicheskii aspekt) [Russian settlements in Turkestan Krai in the late XIX – early XX century (socio-economic aspect)]. Tashkent: izdatel'stvo «FAN» Uzbekskoi SSR, 128 p. [in Russian]

Geier, 1893 – *Geier, I.* (1893). Po russkim seleniyam Syr-Dar'inskoi oblasti. Pis'ma s dorogi [On Russian villages of the Syr-Darya region. Letters from the road]. Tashkent: Tipo-litografiya br. Kamenskikh, 174 p. [in Russian]

Ginzburg, 1991 – *Ginzburg, A.I.* (1991). Russkoe naselenie v Turkestane (konets XIX– nachale XX vv.) [Russian population in Turkestan (late XIX – early XX centuries.)]. M.: In-t etnologii i antropologii AN SSSR, 144 p. [in Russian]

Grigor'ev, 1840 – *Grigor'ev, V.V.* (1840). Ob otnoshenii Rossii k Vostoku: Rech', proiznesennaya ispravlyayushchim dolzhnost' professorom V. Grigor'evym [On the attitude of Russia to the East: Speech made by Professor V. Grigoriev]. Odessa, 18 p. [in Russian]

Ivanov, 1890 – *Ivanov, A.I.* (1890). Russkaya kolonizatsiya v Turkestanskom krae [Russian colonization in the Turkestan region]. SPb.: Tip. T-va "Obshchestvennaya pol'za". Pp. 226-244. [in Russian]

K voprosu..., 1911 – K voprosu o russkoi kolonizatsii Turkestanskogo kraja: Otchet chlena uchenogo komiteta Ministerstva zemledeliya i gosudarstvennykh imushchestv A.A. Kaufmana po komandirovke letom 1903 g. [To the question of Russian colonization of the Turkestan region: Report of A.A. Kaufman, a member of the Scientific Committee of the Ministry of Agriculture and State Property, on a business trip in the summer of 1903]. SPb.: Tip. V. Kirshbauma, 1903. 205 p. [in Russian]

Kaufmanskii sbornik..., 1910 – Kaufmanskii sbornik, izdannyi v pamyat' 25 let, istekshikh so dnya smerti pokoritelya i ustroitelya Turkestanskogo kraja general-ad'yutanta K.P. fon-Kaufmana [Kaufman's Collection, published in memory of 25 years since the death of Adjutant General K.P. von Kaufman, the conqueror and organizer of the Turkestan region]. M.: Tipo-litografiya I.N. Kushnereva, 1910. 247 p. [in Russian]

Khodarskovskii, 2019 – *Khodarkovskii, M.* (2019). Stepnye rubezhi Rossii: kak sozdavalas' kolonial'naya imperiya. 1500-1800 [Steppe frontiers of Russia. How the colonial empire was created. 1500-1800]. M.: Novoe literaturnoe obozrenie. 352 p. [in Russian]

Kiril'chik, 2021 – *Kiril'chik, D.V.* (2021). Tsivilizatorskaya politika politika Rossii v Turkestane i mesto v nei russkikh krest'yan-pereselentsev (vtoraya polovina XIX – nachalo XX v.) [Civilization policy of Russia in Turkestan and the place of Russian peasant settlers in it (the second half of the XIX – the beginning of the XX centuries)]. *Novoe proshloe.* 2: 84-95. [in Russian]

Kruz, 2020 – *Kruz, R.* (2020). Za proroka i tsarya. Islam i imperiya v Rossii i Tsentral'noi Azii [For the Prophet and the Tsar. Islam and Empire in Russia and Central Asia]. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 408 p. [in Russian]

Min'yar-Beloruicheva, 2015 – *Min'yar-Beloruicheva, A.P.* (2015). Tipologiya istoricheskogo diskursa [Typology of historical discourse]. *Yazyk i tekst langpsy.ru.* T. 2. №2. [Electronic resource]. URL: <http://psyjournals.ru/langpsy/2015/n2/Minyar-Beloruicheva.shtml> (date of access: 18.10.2024). [in Russian]

Novaya imperskaya..., 2004 – Novaya imperskaya istoriya postsovetskogo prostranstva: Sb. statei [New Imperial History of the Post-Soviet Space: Collection of Articles]. Pod red. I.V. Gerasimova, A.P. Kaplunovskogo, M.B. Mogil'ner, A.M. Semenova. Kazan': «Tsentr Issledovaniya Natsionalizma i Imperii», 2004. 652 p. [in Russian]

Pereselencheskoe delo..., 1910 – Pereselencheskoe delo v Turkestane: Otchet po revizii Turkestanskogo kraja, proizvedennoi grafom K.K. Palenom [Resettlement Affairs in Turkestan: Report on the Revision of the Turkestan Territory by Count K.K. Palen]. SPb.: Senatskaya tip., 1910. 429 p. [in Russian]

Pereselencheskoe delo..., 1911 – Pereselencheskoe delo v Turkestanskom krae (oblasti Syr-Dar'inskaya, Samarkandskaya, Ferganskaya): Otchet po sluzhebnoi poezdke v Turkestan osen'yu 1910 g. chinovnika osobykh poruchenii pri Pereselencheskom upravlenii N. Gavrilova [Resettlement Affairs in the Turkestan Region (Syr-Darya, Samarkand, Fergana provinces): Report on the official trip to Turkestan in the fall of 1910 by N. Gavrilov, an official of special assignments at the Resettlement Administration]. SPb.: Tip. F. Vaisberga i P. Gershuni, 1911. 336 p. [in Russian]

Skryplev, 1913 – *Skryplev, P.* (1913). Khlopkovodstvo i russkie pereselentsy [Russian settlements in Turkestan Krai in the late XIX – early XX century (socio-economic aspect)]. *Voprosy kolonizatsii.* 12: 203-225. [in Russian]

TsGA RUz – Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Uzbekistan [Central State Archive of the Republic of Uzbekistan].

Tsyryapkina, 2022 – Tsyryapkina, Yu.N. (2022). «Bor'ba za russkoe delo»: imperskaya kolonizatsiya Turkestana [“Struggle for the Russian cause”: imperial colonization of Turkestan]. *Quaestio Rossica*. 10(5): 1625-1641. [in Russian]

Voshchinin, 1914 – Voshchinin, V.P. (1914). Ocherki novogo Turkestana [Sketches of new Turkestan]. SPb.: Tip. t-va «Nash vek», 86 p. [in Russian]

Zapiska glavnoupravlyayushchego..., 1913 – Zapiska glavnoupravlyayushchego zemleustroistvom i zemledeliem o poezdke v Turkestanskii krai v 1912 g. [Note of the Chief Administrator of Land Management and Agriculture on a trip to the Turkestan region in 1912]. *Voprosy kolonizatsii*. 1913. № 12. Pp. 297-365. [in Russian]

Рецепция переселенческого дела в Туркестанском крае в оценках имперских экспертов второй половины XIX – начала XX вв.

Серикбай Даулатұлы Мамраймов ^{a, b, *}, Айгуль Маликовна Жаркен ^b,
Сабира Нурбаевна Апашева ^c, Бакыт Салманович Токмурзаев ^d

^a Zhanibekov university, Шымкент, Республика Казахстан

^b Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева, Астана, Республика Казахстан

^c Университет имени Жумабека Ахметулы Ташенева, Шымкент, Республика Казахстан

^d Казахский национальный педагогический университет имени Абая, Астана, Республика Казахстан

Аннотация. В статье на материалах делопроизводства переселенческих чиновников, а также на материалах научно-публицистических трудов второй половины XIX – начала XX вв. раскрываются представления имперских экспертов об организации переселенческого дела в Туркестанском крае в динамике аграрно-колониционных мероприятий в регионе. В процессе исследования установлено, что экспертные оценки спектра проблем, сопутствовавших крестьянским переселениям в Туркестан, носили критически-рецептурный характер, а мнения, высказанные имперскими экспертами об обстоятельствах формирования и содержания переселенческой политики, были востребованы властью и с известными коррективами проводились в жизнь. Выявлены основные проблемные сферы переселенческого дела, рецепция которых производится в текстах имперских экспертов. Во-первых, по мнению специалистов, в переселенческом деле изначально присутствовал и сохранялся в дальнейшем элемент управленческой дезорганизации, что выражалось в предоставленной высшей губернской администрации прерогативе принятия самостоятельных решений в процессе водворения и обустройства переселенцев. Во-вторых, согласно выводам экспертов, генерал-губернаторский корпус края мобилизовывался преимущественно из администраторов, имевших опыт управления на западных окраинах Российской империи. В условиях восточной периферии региональные администраторы стремились к защите и продвижению интересов «русского дела» часто без учета местной этноконфессиональной специфики, что априори создавало ситуации конфликтности и конфронтации. В-третьих, имперские эксперты полагали, что географическая отдаленность Туркестана от центра империи существенно ограничивала потенциал аграрной колонизации, что выразилось в низком качестве переселенческого материала, по большей части выбранного в ходе освоения Западной Сибири и Степного края. В представлениях экспертов, переселенческое дело в Туркестанском крае приобрело динамичный формат только в начале XX в., что было обусловлено эскалацией аграрно-земледельческого кризиса в европейской части России и последовавшими реформами в аграрной сфере. Выход из кризисной ситуации, объединившей Туркестан и Россию в общее колониционное поле, имперские эксперты видели не в мероприятиях, направленных на ограничение или полный запрет переселений в Туркестанский край, а в постепенной отраслевой переориентации от зернового хозяйства к хлопководству, что значительно раздвинуло рамки колониционного фонда и способствовало рациональной организации переселенческого дела.

Ключевые слова: Туркестанский край, Российская империя, колонизация, переселенческое дело, имперские эксперты, интеграция коренных народов, Азиатская Россия, имперская колонизация, дискурс, рецепция.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: s_dauletuly@mail.ru (С.Д. Мамраймов),
b.tokmurza@gmail.com (Б.С. Токмурзаев)